

Воспоминания о Б.Н.Садовском

Мой дольний путь и высокий путь Бориса Николаевича Садовского пересеклись в начале десятых годов этого века – достаточно близко к закату его жизни, который был весьма внезапен для тех, кто окружал его в университете, и который, к счастью, нельзя назвать закатом творческим. Я запомнил Бориса Николаевича человеком весьма жизнелюбивым и, что идет, несомненно, рядом с этим качеством, науколюбивым. Когда он читал нам – первокурсникам ли, третьекурсникам – лекции и обращал наше внимание на тонкие математические или физические детали темы, его глаза загорались буквально детским огнем познания, он начинал очень активно для своего возраста жестикулировать, эмоционально опережая свою неспешную речь, и задорно улыбался. Та же улыбка появлялась у него на лице тогда, когда он задавал нам какой-нибудь вопрос с подвохом или спрашивал того, кто отвлекался во время занятия. В блеске его глаз, улыбке и жестах я видел молодость души – души, открытой миру, науке, познанию, студентам...

Он поистине уделял нам не только свое время, но и дарил каждому заинтересованному частицу себя. Своих учеников он гостеприимно приглашал домой, где в уютной обстановке обсуждал с ними научные работы. Хотя я и не был учеником Бориса Николаевича, я почувствовал на себе его педагогическое мастерство как в форме пряника, так и в форме кнута. Мое первое выступление в научными результатами на выпускном курсе бакалавриата случилось как раз на семинаре у Садовского. Надо сказать, что он всегда был рад видеть меня у себя на семинаре и слышать вопросы от меня: он всячески поощрял любопытство, интерес к науке и не был способен недооценить вопросы, возникающие у любого, кто слушал его лекцию или доклад на семинаре. Но в этот раз вопросами атаковали меня самого – и в первую очередь, конечно, Борис Николаевич. Помнится, он спросил меня о практическом применении моей работы – и я, хоть и с трудом, но смог внятно раскрыть для него этот аспект, за что Садовский после меня весьма хвалил – он, безусловно, понимал, насколько важна для меня – первая! – оценка со стороны моей научной деятельности, и чувствовал мое волнение. Другая ситуация произошла во время сдачи нашей группой зачета по его спецкурсу. Тогда он читал «Приложения обыкновенных дифференциальных уравнений» и зачет мы сдавали в виде докладов по прослушанному материалу. Мне казалось, что я прекрасно подготовил свой доклад, и я светился тщеславием, когда его защищал, но Борис Николаевич вернул меня с неба на землю, задав уточняющий вопрос именно по тому аспекту, в который я по самонадеянности не вникал. Здесь он проявил себя как разумный критик, почувствовавший пробоины в бравировавшем на волнах корабле моего доклада.

Страсть Бориса Николаевича к поиску математической истины и его преданная любовь к математике напоминают мне о фигуре Бертрانا Рассела, что внес величайший вклад в математическую логику и теорию множеств – разделы математики, совершенствованием в преподавании которых Садовский занимался до конца своих дней, хотя и у него были свои неопределимые достижения в математике – теории уплотняющих операторов, теории меры, нелинейном анализе. В пользу моего, возможно, смелого сравнения говорят и внешнее сходство, и то, что дата рождения – 18 мая – у Садовского и Рассела совпадают. Однако, если Рассел сам тернистым путем дошел до того, что

основания математики шатки, Борис Николаевич, которому из эпохи, в какой он жил, этот вопрос представал в более открытом виде, на мой взгляд, относился к математике как к увлекательной игре, что между делом моделирует реальность, и непрерывно утончал свои приемы ведения этой игры, которые помогали ему выведать кое-что новое об этом мире – кое-что неожиданное и парадоксальное – живое!

аспирант кафедры функционального анализа

и операторных уравнений

математического факультета

А.С.Бондарев